

Суворов Максим Викторович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Институт фундаментального социально-гуманитарного образования, Уральский государственный педагогический университет; 620117, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 314; e-mail: mvs-19771@yandex.ru.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ И СИСТЕМА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ УРАЛА В 1930-Х ГГ.
(на материале Свердловской и Челябинской областей)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессионально-образовательный уровень учителей; подготовка и переподготовка учительских кадров; всеобщее начальное обучение; незаконченное среднее обучение; краткосрочные педагогические курсы; педагогические техникумы; Уральский индустриально-педагогический институт; Свердловский государственный педагогический институт.

АННОТАЦИЯ. Рассматривается роль учительства в процессе введения всеобщего начального обучения на Урале. Анализируется деятельность педагогических курсов, средних специальных педагогических учебных заведений и педвузов по подготовке учительских кадров на Урале в 1930-х гг. Демонстрируется, что основным каналом подготовки преподавателей для школ Уральского края в исследуемый период являлись краткосрочные педагогические курсы, чем объясняется невысокий уровень профессиональной подготовки учителей до конца 1930-х гг.

Suvorov Maksim Viktorovich,

Candidate of History, Associate Professor of the Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

**EDUCATIONAL LEVEL AND SYSTEM OF TRAINING
OF THE TEACHING STAFF IN THE URALS IN THE 1930S
(on the material of Sverdlovsk and Chelyabinsk regions)**

KEY WORDS: vocational and educational level of teachers; training and retraining of the teaching staff; universal primary education; incomplete secondary education; short-term teacher training courses; teachers' training vocational schools; the Ural Industrial Pedagogical Institute; the Sverdlovsk State Pedagogical Institute.

ABSTRACT. Attention is given to the role of teachers in the process of introduction of universal primary education in the Urals. The activity of teacher training courses, specialized secondary educational institutions and pedagogical institutes in training of the teaching staff in the Urals in the 1930s are analyzed. Short-term courses were the most important in training of the teaching staff in the Urals, which explains low level of professional knowledge of teachers until the end of 1930s.

И зучение уральского учительства имеет давнюю историографическую традицию. Данная тема всесторонне рассматривалась историками. Однако основное внимание в работах советских исследователей уделялось партийному руководству формированием учительских кадров, решению проблем общеобразовательной школы в период введения начального. Для таких работ характерна идеологическая заданность [63; 64; 65 и др.]

Познее главное внимание уделялось истории отдельных профессиональных педагогических учебных заведений на протяжении длительного периода: со второй половины XIX в. до первой четверти XX в. [61; 67; 68 и др.]

Результат деятельности этих учебных заведений — учительство Урала — и роль данной группы в процессе введения всеобщего начального и незаконченного среднего всеобщего в 1930-х гг., что являлось одной из основных задач дореволюционной и советской государственной политики, не выделялись в качестве самостоятельного предмета изучения. Воспол-

нению этого пробела и посвящено наше исследование.

Переход к политике индустриализации экономики СССР в конце 1920-х гг. вызвал необходимость в увеличении материальных затрат на развитие индустрии. Сократились расходы государства на социальные и культурные нужды населения Советской страны. Вместе с тем большевики стремились значительно увеличить производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве. Одним из путей решения этой задачи был рост общекультурного уровня рабочих и крестьян. Повышение уровня как общей, так и производственной культуры должно было начаться с усвоения азов грамотности.

Постановлениями ЦК партии большевиков установки на развитие культуры включались в контекст первых пятилеток. Указывалось, что приоритетами культурного строительства следует считать развитие народного образования и подготовку квалифицированного персонала для введения всеобщего.

Для того чтобы решить поставленные задачи, Советское государство увеличило

количество финансовых ресурсов, отпускаемых на развитие общего среднего, а также специального и высшего образования. Повысился интерес партии и правительства к материальной и технической базе школьных учреждений. Вся культурная и идеологическая работа в данный период была направлена на превращение марксистско-ленинской идеологии в мировоззрение всех советских людей.

По этой причине отношение к учителю в начале 1930-х гг. со стороны государства меняется. Персонал педагогических учебных учреждений начинал использоваться большевиками для проведения идеологической работы в поддержку государственных социально-экономических преобразований.

Основной задачей Советского государства являлось введение всеобщего обязательного обучения детей, на необходимость которого указывалось еще в 1918 г. Согласно постановлению ЦИК и советского правительства «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г., с 1930/31 уч. г. на всей территории СССР вводилось всеобщее обязательное начальное обучение детей в объеме четырехлетнего курса начальной школы, а в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках — обязательное обучение детей в объеме школы-семилетки [13. С. 112]. Особая роль в развернувшемся сражении за всеобщую грамотность отводилась учителю.

В 1930-х гг. в деле школьного образования происходят существенные изменения. ЦК большевиков 5 сентября 1931 г. принимает постановление «О начальной и средней школе», а 25 августа 1932 г. — «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» [Там же. С. 156, 161]. Эти законодательные акты сыграли важную роль в перестройке всей школьной работы в описываемый период. По всей стране устанавливалось три типа школ: начальные, семилетние и средние. Обозначались строгие правила внутреннего распорядка и единая система оценки знаний обучаемых.

Для введения начального всеобщего обучения требовалось огромное количество учителей. К моменту реализации планов всеобщего начального обучения в РСФСР было необходимо 19 200 учителей начальной школы, в 1933/34 уч. г. это число выросло до 32 133 человек [5]. В 1930/31 уч. г., по сравнению с концом 1920-х гг., в Советской стране количество педагогов в общеобразовательных школах выросло на 86 438 чел., и в основном за счет начальной школы [13. С. 112]. Профессиональные педагогические учебные заведения подготовить такое количество учителей в те годы не могли. В 1930/31 уч. г. они обеспечили в РСФСР только 30 % требуюмо-

го количества новых учителей, а высшая педагогическая школа удовлетворила лишь на 27,7 % потребность в учителях 5—7 классов [72. С. 71]. Главную роль в подготовке учительства в начале 1930-х гг. стали играть временные краткосрочные педагогические курсы, которые в этот период обеспечивали 2/3 нового пополнения учителей.

В связи с переходом на всеобщее начальное обучение в Уральском крае в 1930 г. требовалось примерно 5 тыс. человек преподавателей начальной школы [42], а к 1932/33 уч. г. для начальных школ Уральской области необходимо было уже 6850 педагогов [13].

В этой ситуации Советское государство и органы народного образования вынуждены были прибегать к административно-командным, насильственным методам: под административным давлением на предприятиях и в общественных организациях стали осуществляться мобилизации «добровольцев» на педагогическую работу. Применялись и другие формы пополнения учительских рядов: досрочный выпуск из учреждений системы профессионального педагогического образования, повышение стипендии студентам педтехникумов, увеличение сети долгосрочных педагогических курсов, применение краткосрочной подготовки учителей, привлечение к работе педагогов, стоящих на бирже труда, а также лиц с педагогическим образованием, занятых на другой работе, педагогическая практика учащихся техникумов и школ II ступени с педагогическим уклоном в классах, где не было учителей [20].

В постановлении ЦК партии большевиков от 25 июля 1930 г. «О всеобщем начальном обучении» предлагалось центральному комитету комсомола в течение трех лет выделять в порядке мобилизации ежегодно не менее 20 тыс. членов ВЛКСМ для работы в школах всеобщего обучения и для комплектования педагогических учебных заведений [13. С. 110]. На местах руководители, ощущавшие острую нехватку в учительских кадрах, искали решение этой проблемы при помощи новых, по большей части надуманных форм. Так, в начале 1930-х гг. такими формами стали месячники «борьбы за кадры» и бригады по вербовке студентов в педтехникумы и педвузы.

Уральский обком ВКП(б) 6 мая 1930 г. предложил партийным организациям в округах и районах провести с 15 мая по 15 июня 1930 г. «месячник борьбы за кадры», превратить его в общественно-политический смотр дела подготовки всех видов кадров, в том числе и педагогических. Секретариат рекомендовал в ходе месячника выявить не только состояние подготовки кадров и недостатки в этой работе, но и добиться решающего пе-

релом, практически ликвидировать выявленные недочеты и упущения [8].

В ходе месячника были организованы комиссии для проверки работы по подготовке учительских кадров, на заседаниях партийных комитетов были заслушаны отчеты органов наробразы и руководителей педагогических учебных заведений. В округах и районах Урала были созданы бригады «по вербовке контингентов учащихся в педтехникумы и педвузы», по организации курсов при семилетних школах для подготовки в педагогические средние учебные заведения и педагогических курсов для учителей [Там же. Л. 236].

В условиях острой нехватки учителей 23 сентября 1930 г. СНК РСФСР выпустил постановление «Об откомандировании на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности». В документе отмечалось, что «...откомандированию подлежат лица, окончившие специальные педагогические учебные как до революции, так и после нее и работавшие в качестве учителей не менее года» [18. С. 689].

Указанные мероприятия хотя и позволили увеличить численность учителей в школах, одновременно привели к резкому снижению образовательного уровня педагогов.

В 1931/32 уч. г. на Урале учителя начальных классов, выдвинутые на работу трудовыми коллективами, состояли на 51 % из людей, имевших только начальное образование [36]. В связи с мобилизациями процент учителей Урала со средним образованием сократился с 60 % в 1929 г. [22. С. 170] до 44,2 % в 1932/33 уч. г. [38]. Большинство педагогов с низшим образованием учительствовало в сельскохозяйственных районах Уральского края.

По данным источника «Итоги работы школ Урала в борьбе за выполнение решений ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе», датированного 1933 г., число учителей с низшим образованием составляло в Долматовском районе 75 %, Варнинском — 60 %, Ялано-Катайском — 85 % [40].

Невысокий уровень образования большей части мобилизованных на подработку и отсутствие у них соответствующей педагогической квалификации выдвигали на первый план необходимость их педагогической подготовки.

Самой распространенной формой подготовки учительства в первой половине 1930-х гг. были краткосрочные педагогические курсы. Это было вызвано тем, что такая система позволяла в сжатые сроки подготовить значительное количество школьных работников с минимальными финансовыми затратами для государства. К приме-

ру, содержание одного студента в педвузе в 1927/28 уч. г. обходилось в 687,4 р. в год, в педтехникуме — 395,5 р., а в 1936 г. плановая норма расходов на одного студента пединститута составляла 1300,2 р. [64. С. 67].

В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети», ознаменовавшем начало плановой подготовки к всеобучу, указывалось, что до 1933/34 уч. г., т. е. до предельного срока введения обязательного обучения, подготовка учителей начальных классов будет происходить на краткосрочных педагогических курсах. «Учащиеся в педагогических техникумах и на курсах, — говорилось в документе, — обеспечиваются стипендиями в пределах отпускаемых Народному комиссариату просвещения по бюджету сумм, причем учащиеся обязываются за стипендию службою в трудовых школах I ступени: оканчивающие педагогические техникумы — в течение 5 лет, оканчивающие краткосрочные педагогические курсы — в течение 3 лет» [13. С. 107]. Такое же распоряжение сделал СНК РСФСР 23 июля 1926 г. в постановлении «О состоянии школ повышенного типа». В документе Наркомпросу РСФСР предлагалось при планировании повышения квалификации обратить особое внимание на организацию курсовой и самообразовательной подготовки учителей-предметников [Там же. С. 151].

Педагогические курсы устраивались при педагогических институтах и педтехникумах. По сравнению с педагогическими курсами 1920-х гг. период обучения планировалось увеличить с 1,5 месяцев до одного года. Однако в 1930/31 уч. г. в связи с острой нехваткой педагогов, вызванной потребностями ускоренного введения всеобщего начального обучения, проводились трехмесячные и даже двухмесячные курсы. Изменения произошли и в принципах комплектования курсов. Так, если в 1920-х гг. на курсы посылались по желанию педагоги, проявлявшие активный интерес к школе и общественной жизни [1], то в первой половине 1930-х гг. на курсы мобилизовались с предприятий, в основном члены ВЛКСМ и профсоюзных организаций [70. С. 17—18].

Относительно тематической составляющей краткосрочных педкурсов можно отметить, что по сравнению с периодом 1920-х гг., когда основное внимание курсантов обращалось на изучение новых методик преподавания [25], в 1930-х гг. большее место в учебных планах отводилось общественно-политической подготовке учительства в духе советской идеологии [41]. Педаго-

гические курсы, в отличие от специальных педагогических учебных заведений, готовили из курсантов не столько организаторов учебного процесса, дающих молодому поколению глубокие и прочные знания, сколько организаторов детской среды, проектов-дел, в процессе выполнения которых педагог выступал в роли консультанта в исследовательской работе учащихся.

Согласно плану, утвержденному Уралоблисполкомом и обкомом ВКП(б), педагогические курсы за три года начиная с 1930/31 уч. г. должны были подготовить для начальной школы 2170 учителей [73. С. 20]. Вместе с тем фактическая потребность в учителях начальных классов значительно превысила предполагавшуюся в 1930/31 уч. г. В сентябре 1930 г. за школьные парты вместо предусмотренного планом количества детей — 613,5 тыс. — сел 693 081 учащийся [64. С. 68]. В связи с этим необходимо было увеличить контингент слушателей курсов. Уже в течение 1930/31 уч. г. в Уральской области на краткосрочных педагогических курсах было подготовлено 3680 педагогов начальных школ [28]. В 1931/32 уч. г. на трехмесячных курсах прошли обучение 4700 учителей начальных школ и 1206 учителей средних школ [33].

Уральский отдел народного образования в 1932 г. планировал, что через восьмимесячные курсы будет подготовлено 70,9 % учителей начальных классов; 82 % педагогов повышенной школы также должны были пройти подготовку на краткосрочных педкурсах [35].

Итак, в начале 1930-х гг. курсовая система подготовки учительских кадров была главным источником пополнения школьных работников на Урале. Вместе с тем общий низкий общеобразовательный уровень курсантов, сжатые сроки обучения, недостаточная учебно-материальная база многих курсов и дефицит квалифицированных преподавательских кадров повлияли на профессиональный уровень педагогов.

Так, по выборочным данным, в Свердловской области в 1935 г. 41 % учителей начальных школ имел низшее образование (такие учителя окончили начальную школу и прошли обучение на краткосрочных педагогических курсах), более 70 % педагогов средних школ имели среднее образование (окончили среднюю общеобразовательную школу и прошли курсы повышения квалификации) [49]. Следовательно, проблема повышения образовательного уровня учительства оставалась нерешенной и во второй половине 1930-х гг.

В Свердловской области, по данным обследования 1936 г., проведенного представителем Наркомпроса, насчитывалось

11 455 преподавателей начальных школ. Из них высшее образование было у 0,3 % педагогов, среднее педагогическое — у 28,9 %, среднее общее — у 10,9 %. Образование в объеме начальной средней школы получило 49,9 % учителей, не окончили начальную среднюю школу 10 %. Неполная средняя и средняя школы насчитывали в своих рядах 5625 педагогов. Образовательный уровень их был следующим: высшее педагогическое образование имело 13,7 % учителей, высшее общее — 2,4 %, незаконченное высшее — 11,5 %, среднее педагогическое — 39,3 %, среднее общее — 20,7 %, не закончили среднюю школу 12,4 % педагогов [50].

Образовательный уровень учителей Свердловской области был ниже, чем в среднем по РСФСР в этом же году. Высшее образование было у 1,1 % от общего числа учителей начальных школ РСФСР, среднее — у 19 %, среднее педагогическое — у 37,4 %. 4,6 % преподавателей средних школ получили высшее образование, 18,4 % — высшее педагогическое образование, 24 % — среднее образование, 42 % — среднее педагогическое [3].

Таким образом, в середине 1930-х гг. профессиональный уровень учителей как начальных, так и семилетних и средних школ оставался невысоким. В данный период, как и раньше, главной формой повышения квалификации были краткосрочные педагогические курсы.

Вопросы подготовки учительских кадров рассматривались СНК РСФСР в начале каждого года, и по этому поводу принимались соответствующие постановления. Так, 29 января 1934 г. СНК РСФСР принял резолюцию «О повышении квалификации учительства», 20 февраля 1936 г. и 20 февраля 1937 г. принимались новые резолюции по данному вопросу. Вместе с тем Наркомпрос РСФСР, составляя второй пятилетний план, планировал удовлетворить высокие потребности в учительских кадрах в основном за счет выпускников стационарных и заочных педагогических учебных заведений, в 1934/35 уч. г. прекратить краткосрочную курсовую подготовку учителей начальных классов, а в 1935/36 уч. году — и учителей 5—10 классов.

Тем не менее справиться с плановыми заданиями открытые в начале 1930-х гг. педагогические учебные заведения не смогли [64. С. 73—74], и поэтому курсовая подготовка педагогических кадров была сохранена и продолжала действовать до конца изучаемого периода. Однако продолжительность работы педкурсов по сравнению с первой половиной 1930-х гг. увеличилась до 6—8 месяцев.

Постепенно во второй половине 1930-х гг. число педагогов, получивших специальное образование только через систему курсов, сократилось. В Свердловской области в 1934 г. 55 % учителей свои профессиональные знания получили не в стационарных педагогических учебных заведениях, а на краткосрочных курсах [77. С. 251], в 1937 г. только на курсах педагогическое образование получило около 40 % учителей всех типов школ того же региона, в 1938/39 уч. г. — 21 %. Приведенные данные объясняются увеличением выпусков молодых специалистов из педагогических техникумов и вузов во второй половине 1930-х гг.

Разработанный облоно десятилетний план подготовки ко всеобучу важную роль в пополнении учительских рядов для начальной школы отводил педтехникумам.

Предполагалось за период с 1927/28 по 1933/34 уч. гг. подготовить в педтехникумах 42 % учителей [73. С. 20]. На Урале к 1929 г. было 17 педагогических техникумов с 22 отделениями и 16 группами [23], в 1930/31 уч. г. — 31 педтехникум, а в 1932/33 уч. г. — 48 [43]. Несмотря на то что по сравнению с началом 1920-х гг. в первой половине 1930-х гг. количество педагогических техникумов на Урале увеличилось более чем в три раза, справиться с поставленными задачами они не смогли. По данным докладной записки Ураломо в Уральский обком ВКП(б) «О ходе выполнения на Урале постановления ЦК ВКП(б) „О начальной и средней школе“, в 1931 г. по Уральской области школьные отделения педагогических техникумов выпустили 680 человек, т. е. только 12 % от требуемого количества учителей начальных классов [33].

Не позволяли обеспечить потребности всеобщего начального обучения и такие факторы, как большое количество отчисленных учащихся к концу обучения и небольшой процент оканчивающих педтехникумы. По отношению к общему числу учащихся педтехникумов количество оканчивающих их в 1927/28 уч. г. составило 19 % [24], в 1931 — 12 % [32].

И. Каскин, зачисленный в 1931/32 уч. г. на первый курс Тобольского педагогического техникума, вспоминает: «После окончания первого курса нас перевели на учебу в Остяко-Вогульск. После окончания каникул, в августе на второй курс педтехникума вернулось только четверо. Из-за малого контингента второй курс не стали открывать. Директор техникума С. Ф. Пестов направил нас в распоряжение окружного отдела народного образования, который определил нас на 6-месячные курсы учителей, проходившие в Самарово. Мы приехали, когда учиться оставалось 3 месяца. Закон-

чили учебу в декабре. Так в 17 лет мы стали учителями» [69. С. 27].

Основными причинами того, что учащиеся покидали техникумы, не закончив учебу, были слабая материальная база техникумов, низкие нормы учебно-хозяйственных расходов, необеспеченность учебниками. Например, в докладной записке Ураломо в Уральский обком ВКП(б) «О подготовке педагогических кадров», датированной 1930 г., указывалось, что «существует громадный разрыв подготовки педагогических кадров с имеющейся потребностью Урала, внимание всей общественности не приковано на подготовку таковых, студенты педтехникумов и вузов материально малообеспечены» [27]. В «Резолюции культпроповещения при Уральском обкоме ВКП(б) о состоянии комплектования педтехникумов и подготовке к 1930/31 уч. г.» читаем: «...ощущается недостаток кадра преподавателей по всем техникумам; наличие общежитий во всех техникумах не обеспечивает даже 50 % студентов (с новым приемом) жилой площадью; совершенно не удовлетворительно обстоит дело с общественным питанием студентов (отсутствие столовых, дороговизна, не соответствующая установленной стипендии), с коммунальным обслуживанием студентов (отсутствие бань, прачечных)» [29]. В докладной записке «Об обследовании Пермского педтехникума в 1935 г.» также отмечалось антисанитарное состояние общежитий для студентов и низкий уровень стипендий, не позволявший учащимся нормально питаться [48].

При зачислении в педтехникумы власти отдавали предпочтение выходцам из рабочей и крестьянской среды. В 1930/31 уч. г. рабочими и крестьянами по происхождению были 85 % студентов, в 1931/32 уч. г. — 90 % [33]. Около 70 % учащихся составляли женщины [37].

Негативным образом на психологическую атмосферу в педтехникумах влиял постоянный контроль со стороны администрации за так называемыми «политическими взглядами» воспитанников. Высказывания, расходившиеся с официальной государственной идеологией, строго преследовались. Например, в феврале 1934 г. четверо студентов Свердловского педтехникума особым совещанием при коллегии ОГПУ были приговорены к различным срокам лишения свободы за так называемую контрреволюционную деятельность, направленную на дискредитацию мероприятий партии и правительства, дискредитацию вождей партии и правительства. Вина этих студентов состояла в том, что один из них в адрес членов большевистского правительства в присутствии учащихся заявил: «Пус-

тоголовые, довели страну до голода» [2]. Это далеко не единичный факт, а типичная история для того времени.

Во второй половине 1930-х гг. формирование учительских кадров начальных и неполных средних школ всё в большей степени осуществлялось за счет выпускников педагогических техникумов (с 1937 г. они стали называться училищами), а не за счет обучения учительства на курсах.

Так, в 1938/39 уч. г. педучилища Челябинской области дали 38,3 % нового пополнения учителей начальных классов, а пединституты — около 15 % [16]. Это было вызвано в первую очередь увеличением количества обучающихся в педагогических техникумах Уральского края. Например, если в 1923 г. на Урале в педтехникумах обучалось 2750 человек, то в 1933/34 уч. г. в педагогических техникумах Свердловской и Челябинской областей числилось 7663 учащихся, а в 1937/38 уч. г. — 11 059. Число педтехникумов в связи с их укрупнением сократилось с 43 в 1933/34 уч. г. до 38 в 1937/38 уч. г. [65. С. 34]. В 1936 г. были объединены Нижнесалдинский педтехникум, Краснополянский с Ирбитским, Григорьевский с Очерским, Коссинский с Кудымкарским [53].

Важную роль в процессе поступления в педагогические техникумы играли подготовительные курсы. Они создавались при педтехникумах, а позже — при районных оно, на заводах и стройках.

Большевистское правительство старалось по мере возможности улучшать материальное положение учащихся: строило общежития, повышало стипендии, организовывало бесплатное питание. Для улучшения материального положения обучаемых, обеспечения их продуктами питания при специальных учебных заведениях создаются подсобные хозяйства. В 1934 г. Шадринский педтехникум, к примеру, имел 35 га посевной площади, 3 коровы, 13 телят, 23 свиньи. Благодаря этому удалось получить для дополнительного питания 8,5 центнера мяса, 1500 литров молока, 8 тонн картофеля [65. С. 34—35].

Однако подобное не было типичным для 1930-х гг. В докладной записке Свердловского обкома в Свердловский обком ВКП(б) «Техникумы Свердловской области», датированной 1936 г., указано: «Основными недостатками в работе педтехникумов являются: 1. Слабость воспитательной работы. Вся система работы не воспитывает у студентов интереса и любви к своей будущей деятельности — работе учителя. Учащиеся 1-х курсов в большинстве не отдают себе отчета, почему они пошли учиться в педтехникум, а некоторые сознательно „временно“ используют педтехникум, т. к.,

некуда деваться. 2. Необеспеченность педтехникумов общежитиями (Н. Тагил, Ирбит, Соликамск, Свердловск), и особенно плохо с постельными принадлежностями (в подавляющем большинстве нет одеял, простыней, наволочек). 3. Крайне низка успеваемость учащихся. В отдельных педтехникумах она доходит до 34 %» [51]. Челябинский областной отдел народного образования в это же время докладывал в Челябинский обком ВКП(б) о том, что, «...как правило, педтехникумы не обладают материальной, учебной базой, не имеют достаточного количества преподавателей. Следует отметить значительные перебои с финансированием педтехникумов» [14].

Однако в целом меры, принятые государством по улучшению материального положения учащихся, положительно сказались на формировании контингента средних специальных педагогических учебных заведений. Уже в 1935/36 уч. г. педтехникумы Свердловской области выполнили план приема учащихся, за исключением Пермского, где вместо 300 учащихся из-за недостатка учебных площадей было принято 210 человек [52]. В Челябинской области на 1 сентября 1936 г. в 16 педтехникумов было зачислено 2297 человек, при том что по плану предполагалось зачислить меньше — 2280 [15]. В 1938/39 уч. г. педагогические училища Свердловской области подготовили 585 учителей начальных классов [59], выпуск молодых специалистов в Челябинской области составил 829 человек [16].

Одновременно со средним педагогическим образованием на Урале в начале 1930-х гг. продолжала развиваться высшая педагогическая школа.

Коллегия Наркомпроса РСФСР, заслушавшая 13 декабря 1929 г. доклад Уральского областного отдела народного образования о подготовке специалистов с высшим образованием, потребовала от местных органов Советской власти расширить сеть высших учебных заведений и увеличить в них подготовку молодых специалистов [23].

Число высших педагогических учебных заведений выросло после директивы XVI съезда ВКП(б) о введении всеобщего обязательного начального образования. В постановлении ЦК ВКП(б) предложил с 1930/31 уч. г. приступить ко введению всеобщего обучения в объеме школы-семилетки. Для обеспечения школ всеобщего педагогическими кадрами было рекомендовано «срочно развернуть сеть и контингенты пединститутов, педтехникумов...» [13. С. 110].

В связи с началом введения семилетнего всеобщего обучения растет число пединститутов. В августе 1930 г. был открыт индустриаль-

но-педагогический институт в Свердловске, а в октябре — в Перми (педагогический факультет Пермского университета был преобразован в самостоятельный институт). Ноябрь 1930 г. ознаменовался созданием Тюменского агро-педагогического института. С 1931 г. в Уральском крае начали действовать два университета — в городах Пермь и Свердловск [31]. Однако главной кузницей педагогических кадров для средней школы в 1930-х гг. были пединституты в Свердловске и Перми.

В 1931/32 уч. г. в Пермском педагогическом институте обучалось 769 студентов на восьми отделениях. С 1931 г. в пединституте открылось вечернее отделение, на котором стали получать образование 76 студентов, на заочном отделении вуза, по данным на 27 ноября 1931 г., обучалось 2509 человек. В целом за 1930/31 уч. г. педагогическим институтом было подготовлено 190 молодых специалистов, выпуск заочного отделения составил 48 человек [30]. В 1933/34 уч. г. на дневном отделении вуза готовились стать педагогами 697 студентов, выпуск составил 72 человека [45].

Согласно постановлению СНК РСФСР от 25 августа 1930 г., в г. Свердловске был открыт Уральский индустриально-педагогический институт [75. С. 7]. Основной задачей пединститута стала ускоренная подготовка учителей и преподавателей для общеобразовательных школ и техникумов Уральского региона.

Изначально в состав института входило восемь факультетов: историко-экономический, физико-технологический, химико-технологический, педагогический, электро-энергетический, литературный, химический и организационно-инструкторский. Будущих специалистов готовили девять кафедр. Их коллективы вели учебную, научно-исследовательскую и методическую работу в самом институте и за его пределами. Сроки обучения составляли от 2,5 до 3,5 лет. Число студентов было небольшим: на 1 января 1931 г. на дневном отделении УРИПИ обучалось только 66 студентов.

Параллельно с дневным при пединституте открыли заочное и вечернее отделения. На вечернем отделении были следующие факультеты: литературный, политехнический, физико-технический, — где на 1 января 1931 г. обучалось 60 человек [Там же. С. 7].

В 1932/33 уч. г. вырисовался четкий профиль педвуза. Его целью стала подготовка учителей общеобразовательных дисциплин средней школы. Преподавание всех технических специальностей было передано другим вузам Свердловска. Структура учебного заведения теперь больше отвечала педагогическому профилю, поэтому в 1933 г. оно было

переименовано в Свердловский государственный педагогический институт (СГПИ). В его составе осталось пять факультетов: физико-математический, химический, историко-экономический, литературный, педагогический. В педвузе в это время на дневной форме обучалось 265 человек [71. С. 19].

С 1934 г. при СГПИ начал функционировать Учительский институт с физико-математическим, географическим, историческим и литературным отделениями. Такие учебные заведения создавались по всей стране и были призваны готовить кадры для неполных средних школ по сокращенной программе. Выпускники учительских институтов получали неполное высшее образование. Одновременно были организованы курсы для подготовки в вуз и для сдачи школьными работниками экзаменов (экстерном) за высшую школу.

Зачисление студентов в вузы на Урале, как и по всей стране, осуществлялось по так называемому классовому принципу. Выполнялось требование постановления Уралобкома ВКП(б) от 10 сентября 1930 г. поднять процент студентов из рабочих и крестьян за счет уменьшения учащихся из бывших привилегированных слоев.

Данные Уралобкома показывают, что в 1930/31 уч. г. в педагогических вузах Уральской области выходцами из рабоче-крестьянской среды были 58 % студентов, в 1931/32 уч. г. их число возросло до 76,6 % [34].

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. высшая школа подготовки учительских кадров на Урале, как и по всей стране, еще делала только первые шаги: 61 % студентов составляли первокурсники [65. С. 39]. Общее количество студентов возросло с 2361 в 1933 г. до 3866 в 1935 г. [46].

23 июня 1936 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой». Этот законодательный акт способствовал перестройке учебного процесса в вузах. В соответствии с ним на местах сложилась система обучения, которая во многом, с незначительными видоизменениями, продолжает работать до настоящего времени.

Начиная с 1936/37 уч. г. главными формами учебной работы в вузах стали лекции, практические занятия и консультации. Текущий контроль за успеваемостью студентов был отменен. Он проводился только в виде экзаменов по лекционным курсам и зачетов по практическим занятиям. Главный упор делался на самостоятельную работу студентов [77. С. 313].

В июне 1936 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) специальным постановлением ввели единые правила приема в вузы: от аби-

туриентов требовались аттестат об окончании средней школы и успешно сданные вступительные экзамены. Для поступающих в вуз были отменены все ранее установленные ограничения, связанные с социальным происхождением. Связано это было с новой общественно-политической обстановкой в стране: была принята новая конституция СССР (1936), декларировавшая окончание классово-вой борьбы и построение социалистического общества. Соответственно исчезла из годовых отчетов вузов такая статья о причинах отсева, как «сокрытие социального происхождения» [75. С. 23].

В 1935/36 — 1938/39 уч. гг. число студентов в Свердловском педвузе выросло в 2,6 раза. Особенно значительно увеличилось количество учившихся в четырехгодичном институте (в 1,8 раза) и в заочном секторе (в 5,5 раз).

Основную часть контингента пединститута составляли будущие преподаватели физики и математики, на втором месте шли учителя истории, а на третьем — русского языка и литературы.

В этот период большинство контингента учащихся составляли студенты с педагогическим стажем. Например, старше 25 лет в 1935/36 уч. г. были 38 % студентов педагогического и 34 % — учительского института. В 1940 г. была введена денежная плата за обучение в вузе: на очном отделении она составляла 300 р. в год, на заочном — 150 р. [Там же. С. 27—28].

Во второй половине 1930-х гг. сформировались административно-командные методы управления учебным процессом в высшей школе. Проводимые преподавательским составом лекции и практические занятия строго контролировались администрацией вуза, деканами и заведующими кафедрами на предмет соответствия идеологическим установкам большевистского государства. Заведующий кафедрой педагогики СГПИ А. О. Пинт в статье «Учиться, творить, дерзать», опубликованной в газете «Уральский рабочий» 1 сентября 1940 г., писал: «...педагог, воспитывающий нового человека, не сможет выполнить это ответственное дело, если он не работает над собой, не овладевает теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина...»

В 1938/39 уч. г. заместитель директора по учебно-научной части Свердловского пединститута посетил 60 лекций и практических занятий различных преподавателей. Деканами и заведующими кафедрами были заведены специальные тетради для фиксации посещений, выводов и предложений. В 1940/41 уч. г. представителями дирекции было посещено уже 223 курсовых экзамена и зачета, деканами и заведующими кафедра-

ми — 225 экзаменов и зачетов. С 1938/39 уч. г. в институте была введена дополнительная мера контроля за деятельностью преподавателей — стенографирование лекций. Стенограммы проверялись заведующим учебной частью и обсуждались на заседаниях кафедры [11].

Особая непримиримость проявлялась к так называемым «политическим ошибкам»: любая оговорка во время занятий, любое собственное суждение, расходящееся с официальными установками тоталитарного государства, рассматривались как попытка «протаскивания враждебной идеологии». Совершенного нелепым является, к примеру, факт обвинения в политических ошибках в 1936/37 уч. г. преподавателя института Кочнева, которые он якобы допустил в процессе преподавания... физики [75. С. 29].

Одну из главных ролей в подготовке учительских кадров высшей категории на Урале во второй половине 1930-х гг. продолжал играть Пермский пединститут. По структуре он был во многом схож со Свердловским пединститутом. В 1936/37 уч. г. в составе вуза было три сектора: дневной институт со сроком обучения 4 года, включивший в себя дошкольный, исторический, литературный, географический, физико-математический и естественный факультеты; заочный институт, состоявший из литературного, естественного, физико-математического, географического и исторического факультетов; двухгодичный учительский институт, включивший в себя историческое, литературное, естественно-географическое и физико-математическое отделения [54].

Педагогический институт в 1936/37 уч. г. насчитывал 794 студента, учительский институт — 567, заочный институт — 1386.

Сложное материальное положение влияло на изменение состава вуза. Число студентов в заочном институте за период с 1932 по 1936 г. сократилось почти в 3 раза [55].

В целом к концу 1930-х гг. в Советском государстве насчитывалось 404 учебных заведения, готовивших педагогические кадры. В РСФСР педагогов готовили 12 университетов, 63 педагогических института, 109 учительских институтов [21]. В Уральском крае в 1939 г. учителей-предметников готовили два университета, четыре педагогических института с дневной и два — с вечерней формой обучения, шесть учительских (два из них — иностранных языков) институтов [6]. В Свердловской области выпуск учителей-предметников в 1941 г. по сравнению с 1936 г. вырос в 2,3 раза и составил 1227 человек [5; 56]. В Пермском пединституте в 1939 г. получало высшее образование 580 студентов, в Челябинском — 400 [66. С. 49].

Несмотря на постоянное расширение сети педагогических средних и высших учебных заведений, вплоть до конца 1930-х гг. решить кадровую проблему неполных средних и средних школ так и не удалось. В сельской местности Уральского края из-за нехватки педагогов не преподавались такие предметы, как история, иностранные языки, география, математика, русский язык и другие, причем даже в выпускных классах [74. С. 87]. В 1937/38 уч. г. в Свердловской области не хватало 1000 учителей, а в 1938/39 уч. г. дополнительно по области потребовалось 3000 учителей для начальной школы и более 2000 для неполной средней и средней школ. Таким образом, нехватка педагогов и для начальной, и для повышенной школы ощущалась вплоть до конца рассматриваемого периода [58].

Большую часть (30 % учителей начальной школы и 20 % преподавателей неполной средней и средней школ области) требуемого количества школьных работников планировалось подготовить на педагогических курсах [59]. В школах Челябинской области в 1938/39 уч. г. не доставало 4045 учителей: для начальных школ требовалось дополнительно 2160 человек, для неполных средних — 1580, для средних школ — 305. На краткосрочных педагогических курсах Челябинский облоно планировал подготовить около 50 % учителей, необходимых для ликвидации дефицита педагогических кадров [17]. В связи с этим курсовая педагогическая подготовка оставалась одним из основных источников пополнения учительских кадров как для начальной школы, так и для неполных средних и средних школ Урала вплоть до начала 1940-х гг.

Таким образом, введение начального и незаконченного среднего всеобщего обучения в 1930-х гг. вызвало необходимость привлечения к учительскому труду значительного числа работников. В данных обстоятельствах значимую роль сыграла такая чрезвычайная форма подготовки учителей, как обучение на краткосрочных педагогических курсах. Значительно растет в этот период набор в средние специальные и высшие педагогические заведения.

Вместе с тем заменить в полной мере стационарную подготовку краткосрочные курсы не смогли, а выпуски из педагогических техникумов и педвузов были незначительными. Поэтому в условиях резкого роста числа преподавателей школ уровень их общеобразовательной и профессиональной подготовки даже к началу 1940-х гг. оставался низким. Это хорошо видно на примере Уральского региона.

По выборочным данным, в Свердловской области в конце 1930-х гг. по сравнению

с 1936 г. число педагогов начальных школ с высшим педагогическим образованием (окончивших высшие педагогические учебные заведения) сократилось практически до нуля, а количество учителей со средним педагогическим образованием (окончивших средние педагогические учебные заведения) увеличилось на 2 % и составило 31 %. Число учителей неполных средних и средних школ со средним педагогическим образованием сократилось на 7 % и составило 32 %, с высшим педагогическим образованием — сократилась на 8,7 % и составило 9 % [50].

Такое положение было типично и для других областей Урала. Так, по выборочным данным, в Челябинской области в 1938 г. из 9426 учителей начальных и 1—4 классов неполных средних школ не имели даже среднего общего образования (образования в объеме средней общеобразовательной школы) 50 % педагогов. Из 3892 педагогов, преподававших в средней школе, высшее педагогическое образование было только у 22 % просвещенцев [17].

Общую картину, отражающую изменения профессионально-образовательного уровня учителей Урала в городах по сравнению с сельской местностью, представить довольно сложно, так как точных сведений об этом в источниках обнаружить не удалось. Однако согласно докладной записке Свердловского горно от 22 февраля 1940 г. «О кадрах горно» в горком ВКП(б), образовательный уровень свердловских учителей был выше, чем средний образовательный уровень учителей по области в целом (количество учителей г. Свердловска составляло около 10 % от всех учителей области) [57]. Во всех начальных и средних школах г. Свердловска у 23 % учителей было высшее педагогическое образование, а из всей массы учителей г. Свердловска у 46 % было среднее педагогическое образование.

Таким образом, в целом уровень профессиональной подготовки учителей оставался невысоким до конца 1930-х гг. Аналогичное положение можно было наблюдать по всей стране. Так, в постановлении коллегии Наркомпроса РСФСР «О плане повышения квалификации учителей» от 8 мая 1941 г. сообщалось, что «по данным на 1 января 1941 г. в РСФСР имеется 652,5 тыс. учителей. Из этого числа 301,3 тыс. (или 46 %) не имеют соответствующего образования» [4]. Вместе с тем необходимо отметить, что выпуски учителей из средних и высших специальных педагогических учебных заведений, начавшиеся во второй половине 1930-х гг., определенным образом повлияли на повышение общеобразовательной подготовки уральских учителей.

ИСТОЧНИКИ

1. БЮЛЛЕТЕНЬ официальных распоряжений и сообщений Уральского областного отдела народного образования. 1924. №4. С. 21.
2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 37006. Л. 61.
3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ архив РФ (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2358. Л. 11.
4. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2723. Л. 13.
5. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 7051. Л. 20.
6. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 9402. Л. 11, 12, 13, 15.
7. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
8. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 999. Л. 236, 238.
9. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1229. Л. 249.
10. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1825. Л. 327.
11. ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.
12. КУЛЬТУРНОЕ строительство СССР. М., 1956.
13. НАРОДНОЕ образование в СССР. Общеобразовательная школа // Сборник документов 1917 — 1973 гг. М., 1974.
14. ОБЪЕДИНЕННЫЙ государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. 288. Оп. 1. Д. 97. Л. 14.
15. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 13. Д. 11. Л. 15.
16. ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 524. Л. 99.
17. ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 524. Л. 122.
18. ОФИЦИАЛЬНЫЙ сборник важнейших законов, распоряжений и постановлений Уралоблсполкома. 1930. № 54. С. 689.
19. РОССИЙСКИЙ государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 138. Л. 31.
20. РОССИЙСКИЙ государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 4372. Оп. 22. Д. 548а. Л. 43.
21. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 1468. Л. 21, 23.
22. УРАЛЬСКОЕ хозяйство в цифрах: краткий статистический справочник. Свердловск, 1929.
23. ЦЕНТР документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 5. Д. 429. Л. 53.
24. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 433. Л. 91.
25. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 441. Л. 27 об.
26. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 401. Л. 249.
27. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 665. Л. 47.
28. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 38. Л. 38.
29. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1057. Л. 103
30. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1061. Л. 50, 73, 74.
31. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1061. Л. 116 об.
32. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 97.
33. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 120.
34. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 121.
35. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 123.
36. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1065. Л. 126.
37. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1069. Л. 16.
38. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 17.
39. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 467. Л. 38.
40. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 510. Л. 21 об.
41. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 514. Л. 12.
42. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1227. Л. 35.
43. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1228. Л. 5.
44. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 222. Л. 19.
45. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 222. Л. 20.
46. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 414. Л. 66.
47. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 414. Л. 68.
48. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 432. Л. 33.
49. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 433. Л. 34.
50. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 223.
51. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 401. Л. 1.
52. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 753. Л. 94.
53. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 753. Л. 109.
54. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 478. Л. 23.
55. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 478. Л. 29.
56. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 710. Л. 186.
57. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 336. Л. 108.
58. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 347. Л. 41.
59. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 243. Л. 1 об.
60. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1008. Л. 96.

ЛИТЕРАТУРА

61. БАХТИНА И. Л., ИГОШЕВ Б. М., ПОПОВ М. В. Педагогическое образование в Екатеринбурге — Свердловске в 1920-е гг. // Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге (1871—1930). Екатеринбург, 2012.
62. ГЛАВАЦКИЙ М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995.
63. ГРИШАНОВ П. В. Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по осуществлению всеобщего начального обучения в годы строительства социализма // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования. Свердловск, 1979
64. ГРИШАНОВ П. В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926 — 1937). Саратов, 1983.
65. ГРИШАНОВ П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926—1937 гг.). Челябинск, 1982.
66. ДЕМЕНЕВ А. И., Добровольский Н. С. Высшее образование на Урале. Свердловск, 1958.
67. ЕЛИСАФЕНКО М. К., ИГОШЕВ Б. М., ПОПОВ М. В. У истоков педагогического образования на Урале: 1870-е — 1890-е гг. // Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге (1871—1930). Екатеринбург, 2012.
68. ЕЛИСАФЕНКО М. К., ИГОШЕВ Б. М., ПОПОВ М. В. Педагогическое образование на Урале и деятельность Екатеринбургской второй женской гимназии (1908 — 1918 гг.) // Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге (1871—1930). Екатеринбург, 2012.
69. КАСКИН И. Как мы стали учителями // Югра. 1999. №. 10.
70. КУЛЬТФРОНТ Урала. 1931. №. 7.
71. ЛЕДНЕВ В. П. Школа пед. кадров на Среднем Урале. Свердловск, 1975.
72. ПАНАЧИН Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. Важнейшие этапы и современное состояние. М., 1975.
73. ПОДГОТОВКА введения всеобщего обучения на Урале. Свердловск, 1927.
74. ПРОТАСОВА Э. Е. Сельская школа на Урале в 1929—1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.
75. УРАЛЬСКИЙ государственный педагогический университет: летопись-хроника, 1930—2000. Екатеринбург, 2000.
76. УРАЛЬСКИЙ государственный педагогический университет: очерки истории. Екатеринбург, 2001.
77. ЧУФАРОВ В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции 1920—1937 гг. Свердловск, 1970.

Статью рекомендует д-р ист. наук, проф. М. В. Попов